

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. IX, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2013

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том IX, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2013

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки / Сост. и ред. тома Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская. СПб.: Наука, 2013. — 447 с.

ISSN 2306-5737

РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
Dr. Habil. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Нидерланды, Амстердамский ун-т),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко,
д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова,
чл.-корр. РАН Е. В. Головки,
PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко,
PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук С. А. Мызников,
д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ),
PhD Prof. J. Russel / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),
д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Редакторы и составители тома:

Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская

Технический редактор А. М. Пиир

Выпуск подготовлен при поддержке

гранта РГНФ 13-04-00416, проект "Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)"

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<http://iling.spb.ru/materials.html>

ISSN 2306-5737

© ИЛИ РАН, 2013

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство «Наука», 2013

Содержание

От составителей	9
<i>В. С. Храковский.</i> О специфике значений, которые могут параллельно выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами	11
<i>А. М. Певнов.</i> О типологическом подобии выражения признака в алеутском и некоторых тунгусо-маньчжурских языках	23
<i>Е. Ю. Груздева.</i> Демонстративные глаголы в языках мира: проблемы идентификации и анализа	51
<i>И. В. Утехин.</i> Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту	81
<i>М. З. Муслимов.</i> Заметки об именных парадигмах в малых прибалтийско-финских языках	96
<i>Д. Ф. Мищенко.</i> Об одном сложном глаголе: конструкция <i>-p tor-</i> в башкирском языке	107
<i>А. А. Сюрюн.</i> Заметка о морфологии современного тувинского языка	142
<i>Н. Я. Булатова.</i> Новые материалы по солонскому языку	147
<i>И. И. Крупник, Л. С. Богословская, Б. И. Альпыргин, Е. А. Добриева.</i> Науканский «ледовый словарь»: к реконструкции ледового культурного ландшафта	166
<i>П. О. Рыкин.</i> О времени и месте составления китайско-монгольского словаря <i>Дада юй/Бэйлу юй</i>	189
<i>И. А. Муравьева.</i> Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков	218
<i>М. Ю. Пупынина.</i> Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности	245

<i>Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус.</i> Ижора Сойкинского полуострова: фрагменты социолингвистического анализа	261
<i>Willem de Reuse.</i> Diminutive vowel neutralization in Central Siberian Yupik Eskimo: A possible explanation	299
<i>Alexander Yu. Rusakov.</i> The Soviet Standard Romani Language of 1920–1930's: Linguistic characteristics in a socio-cultural context	315
<i>Е. В. Перехвальская.</i> Русско-китайский пиджин и русский «интерязык»	331
<i>Н. Б. Вахтин.</i> Языковые контакты и русско-эскимосская грамматическая интерференция	346
<i>С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова.</i> Русские союзы в современном нанайском языке	362
<i>М. Д. Люблинская.</i> Неопубликованные материалы из архива Н. М. Терещенко	390
<i>Fatima A. Eloeva.</i> Turkic-speaking Orthodox Greeks: The conflict of faith, mentality and language	399
<i>А. П. Володин.</i> Евгений Васильевич и время (эссе)	421
Сведения об авторах	426
Аннотации и ключевые слова	429
Summaries and Keywords	438

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус

ИЖОРА СОЙКИНСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ФРАГМЕНТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

1. Предварительные замечания

Ижорский язык относится к числу исчезающих прибалтийско-финских языков Ингерманландии. По нашим подсчетам, на данный момент существует около 100 носителей ижорского языка, проживающих на территории Кингисеппского района Ленинградской области. Поселения ижоры расположены на Сойкинском полуострове (сойкинский диалект) и в бассейне реки Луги (нижнелужский диалект). Какое-то количество ижоры живет на территории Эстонии (некоторые из них проводят в Эстонии зимний период, а на лето приезжают в родные деревни).

В течение XX в. численность ижоры и, соответственно, носителей ижорского языка, постоянно сокращалась (Таблица 1).

Как несложно заметить, с середины XIX в. до конца первой четверти XX в. численность ижоры существенно не менялась (во-первых, обрусение не достигало глобальных масштабов, во-вторых, сама ижора ассимилировала водское население, проживающее в районе нижнего течения реки Луги, см. [Markus, Rozhanskiy 2013: 57–61].

В начале 1930-х гг. в рамках национальной политики, нацеленной на поддержку и развитие малых народов, для ижорского языка была разработана письменность и организовано преподавание на ижорском языке в школах (см. [Мусаев 2004: 247–248]). Однако в 1937–1938 гг. в результате кардинального изменения национальной политики, преподавание на ижорском было прекращено, а учителя репрессированы [там же: 268].

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-04-00168а.

Таблица 1. Динамика численности ижорского населения

Год	Этническая ижора	Носители языка	Источники и комментарии
1848	18489		[Körpen 1867]. В состав этнической ижоры входят 17800 человек в Санкт-Петербургской губернии и 689 человек в Карелии.
1897	13725 ²		Перепись 1897 г. по [Ernits 2007].
1917	20000		[Mustonen (ed.) 1933; Nevalainen, Hannes (eds.) 1991: 410]. Территория распространения не указана.
1926	16137 ³		Перепись 1926 г. по [Мусаев 2004: 178; Ernits 2007: 15].
1942	~ 13000		[Nevalainen, Hannes (eds.) 1991: 268, 410]; Kurs 1990: 1493]. В состав этнической ижоры входят 8729 человек на оккупированной территории и около 4000 человек на Ораниенбаумском плацдарме.
1959	1062	369	Перепись 1959 г. по [Ernits 2007; Мусаев 2004: 348; Laanest 1998].
1979	748	244	Перепись 1979 г. по [Ernits 2007: 15; Мусаев 2004: 348]. Среди 748 представителей ижоры в СССР 315 человек проживали на территории Ленинградской области.
1989	820 ⁴	302	Перепись 1989 г. по [Ernits 2007: 15; Мусаев 2004: 348]. Среди 820 представителей ижоры в СССР 276 человек проживали на территории Ленинградской области.
2001	176 ⁵		[Конькова 2001]
2013		около 100	Оценка авторов по результатам полевой работы.

² Некоторые источники (например, [Крючкова 2003]) приводят цифру 21700 человек, но такая оценка критикуется в [Ernits 2007: 15].

³ В [Kurs 1990: 1487] число этнической ижоры указано как 26137 человек, однако в [Ernits 2007: 15] высказываются сомнения по поводу правильности этой оценки.

Во время Второй мировой войны большая часть территории, на которой проживала ижора, оказалась оккупирована. В 1943 г. в рамках договора между Германией и Финляндией была осуществлена депортация финно-угорского населения (т. е. води, ижоры и ингерманландских финнов) в Финляндию, в процессе которой погибло много людей. После капитуляции Финляндии в 1944 г. вернувшихся не пустили в родные места, а расселили по центральным областям России, где финно-угорское население столкнулось с голодом и нищетой. Впоследствии тем, у кого были близкие родственники на фронте, удавалось получить разрешение на возвращение в родные места (к тому моменту уже заселенные русскими), остальным же не разрешали вернуться до середины 1950-х гг. (тех, кто возвращался, не имея на то разрешения, высылали в течение 24 часов). В результате многие переселились в более благоприятные для жизни места (прежде всего, в Эстонию) и остались жить там.

В послевоенное время отношение русского населения к ижоре (как и к другим малым народам Ингерманландии) нельзя охарактеризовать как дружественное. Общение на ижорском языке всячески пресекалось, ижору постоянно подвергали насмешкам и называли «чухной» и «талапанами». В результате, взрослое население всячески старалось оградить детей от ижорского языка (часто родители, сами общающиеся на ижорском, в присутствии детей переходили на русский язык).

Все это привело к вытеснению ижорского языка русским. Смена политики (в том числе и отношения к малым народам) после распада Советского Союза не смогла кардинально изменить языковую ситуацию.

Социолингвистическая ситуация у ижорского народа уже привлекала внимание исследователей. Однако в сфере интереса

---

⁴ Несколько большее количество ижоры по сравнению с данными на 1979 г. можно объяснить либо ошибками в подсчетах, либо процессом постепенного восстановления национальной идентичности в свете изменений в национальной государственной политике.

⁵ Указано число этнической ижоры в Российской Федерации. Уменьшение количества ижоры более чем в 4 раза по сравнению с 1989 г., отчасти может объясняться тем, что после распада СССР значительная часть ижоры осталась на территории Эстонии.

оказывались, прежде всего, языковые контакты ижорского языка. В монографиях [Naarmann 1974, 1984] детально исследовались такие вопросы, как влияние русского языка, русские заимствования в ижорском, структура двуязычия, и проводилось сопоставление с языковой ситуацией у других прибалтийско-финских народов. Языковые контакты ижорского с родственными языками рассматривались в работах А. Лаанеста (см, например, [Лаанест 1977]).

Однако исследования, касающиеся таких вопросов, как идентичность ижоры, отношение к языку, особенности существования в ситуации дву- или многоязычия, до недавнего времени отсутствовали. Ситуацию изменило посвященное финно-угорским народам Ингерманландии исследование [Муслимов 2005], в котором был проведен детальный анализ целого ряда социолингвистических вопросов (в том числе самоидентификации, владения языками, отношения к языку, языковой интерференции и переключения кодов). Однако эта работа основывалась, прежде всего, на материале нижнелужского ареала, а ижора Сойкинского полуострова в ней детально не анализировалась.

Сойкинской ижоре посвящена недавно опубликованная статья [Чушьялова 2010], во многом пересекающаяся с настоящей статьей в исследуемых вопросах и методах исследования, но существенно отличающаяся по ряду других параметров (прежде всего, это касается принципов отбора анкетированных респондентов). В процессе дальнейшего изложения мы обратим внимание на некоторые отличия в полученных результатах.

2. Методы и цели исследования

Предлагаемое исследование посвящено анализу социолингвистической ситуации в среде носителей ижорского языка Сойкинского полуострова. Исследование не претендует на всеобъемлющий анализ и сконцентрировано лишь на рассмотрении отдельных аспектов социолингвистической ситуации. Тем не менее представленные в статье данные позволяют сформулировать ряд выводов, способствующих как пониманию динамики языковой ситуации в ижорском обществе, так и выявлению процессов, происходящих в вымирающих языках в целом (прежде всего, в малых языках Российской Федерации).

В основу исследования положены данные социолингвистической анкеты, разработанной специально для данного языкового сообщества. Анкетирование проводилось в 2006–2008 гг. в рамках лингвистических экспедиций к ижоре; анкета включала 59 вопросов. Часть вопросов была нацелена на выявление языковой биографии информантов (понимание которой необходимо для правильной интерпретации собранного языкового материала), другие же вопросы касались отношения к языку и специфики его использования. В данном исследовании мы остановимся лишь на некоторых вопросах, относящихся ко второй группе⁶.

Анкетирование проводилось в жанре свободного разговора в перерывах между опросом информантов по грамматическим анкетам⁷. В ряде случаев не было возможности собрать всю социолингвистическую информацию сразу, некоторые вопросы не задавались по этическим соображениям, и, к сожалению, не всегда удавалось завершить опрос впоследствии. Поэтому часть анкет не была заполнена на 100%. Тем не менее собранная информация достаточно репрезентативна для описания социолингвистической ситуации в современном ижорском языке.

Опрос проводился на русском языке, однако в отдельных случаях использовался ижорский язык.

Для данной статьи были отобраны анкеты, удовлетворяющие следующим условиям.

1. Рассматривались только данные, полученные от носителей ижорского языка, проживающих на сойкинском полуострове (соответственно, подавляющее большинство из них являются носителями сойкинского диалекта ижорского⁸).

---

⁶ Полный текст анкеты приводится в приложении к данной статье.

⁷ Такая методика была выбрана намеренно. Поскольку практически все носители ижорского языка являются пожилыми людьми, пережившими депортацию и последующие гонения, сбор персональной информации в жанре анкеты «вопросы по пунктам» мог вызвать негативную реакцию и нарушить контакт с исследователем. Опрос же в жанре свободного разговора, наоборот, способствовал установлению доверительных отношений между исследователями и носителями языка.

⁸ В выборку были включены лишь две анкеты, собранные от людей, которые родились в нижнелужском ареале. Эти люди уже давно живут на Сойкинском полуострове.

2. Анализировались только анкеты полноценных носителей ижорского языка, т. е. людей, способных говорить на ижорском языке. Анкеты «полуносителей», способных лишь понимать язык или знающих язык на уровне отдельных бытовых фраз, в данное исследование не включались: по многим параметрам отношение к языку у этих двух групп принципиально различается, и включение их в одну недифференцированную выборку представляется нам необоснованным⁹.

В результате для исследования была отобрана 51 анкета. Это число заведомо покрывает большинство носителей ижорского языка на Сойкинском полуострове, что позволяет считать данную выборку репрезентативной¹⁰.

Структура статьи следующая: в разделе 3 приводятся анализируемые вопросы из анкеты, указываются результаты опроса, а также дается комментарий, предлагающий интерпретацию результатов. В разделе 4 формулируются обобщающие выводы.

В приложении мы приводим полный текст анкеты, поскольку он может быть полезен при составлении социолингвистических анкет для других языков.

---

⁹ Более того, можно даже говорить о некотором конфликте этих двух групп. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

¹⁰ При исследовании ижор, утративших свой язык, как определение генеральной совокупности исследуемых, так и формирование репрезентативной выборки становится значительно более проблематичным. Так, например, в статье Чушьяловой [2010: 120] утверждается, что проводился опрос «представителей ижорского этноса», но не указывается, как определялась принадлежность к этому этносу. Очевидно, что для этого не использовался ни критерий самоидентификации (большая часть опрошенных считала себя русскими), ни родной язык (подавляющее большинство считало своим родным языком русский, а один из опрошенных даже назвал своим родным языком финский), ни официальные документы (в советское время большинство ижор считалось по паспорту русскими, а сейчас национальность в паспорте не указывается). Также остается неясным, каким образом формировалась выборка и насколько репрезентативной она является.

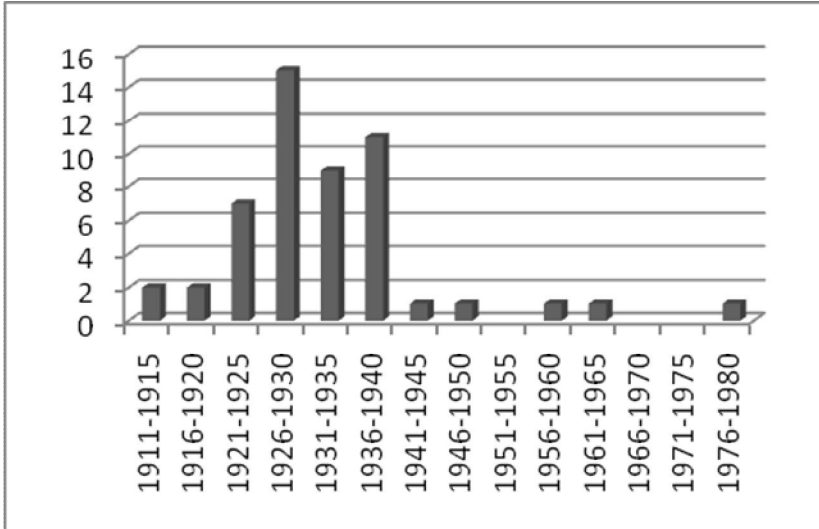
3. Результаты опроса

3.1. Вопрос «Год рождения»

На этот вопрос был получен ответ от всех опрошенных носителей (51 ответ).

Результаты представлены на Схеме 1.

Схема 1. Распределение опрошенных носителей по году их рождения

Как нетрудно заметить, основной пик на Схеме 1 приходится на период 1926–1930 гг. Это период рождения тех людей, которые к началу Великой Отечественной войны уже в полной мере владели языком. Меньшее число людей, родившихся ранее, объясняется уходом этого поколения (на момент сбора анкеты им было более 80 лет). Среди поколения тридцатых годов также немало носителей языка, однако начиная с сороковых годов носителей языка практически нет. Это позволяет считать военные годы годами перелома (т. е. началом интенсивного языкового сдвига). Такая ситуация легко объяснима: до войны ижорское население проживало в своих деревнях с более или менее гомогенным населением, после же войны ижорам было запрещено возвращаться в родные места, а те немногие, кому удавалось вернуться, обнаружили свои деревни заселенными русскими, которые не приветствовали использование ижорой родного языка.

3.2. Вопрос «Национальность»

В анкете были предусмотрены два вопроса, касающиеся национальности опрашиваемых: национальность (на русском языке) и национальность (на ижорском языке). Необходимость введения двух вопросов была обусловлена следующими причинами. Во-первых, предполагалось, что система идентификации по национальности может различаться у ижоры в зависимости от референтного круга. «Для своих» (т. е. при общении на ижорском) может использоваться одна номинация, а номинация «для всех» (т. е. при использовании русского языка) может оказаться другой (что и было подтверждено исследованием). Во-вторых, в Ингерманландии известны и другие примеры различия национальной идентификации в зависимости от языка. Например, некоторые представители близкородственного народа водь называли себя по-водски *vad'd'a* или *vad'd'alaized*, а по-русски «ижора» [Муслимов 2005: 56–59, 63–64].

Таблица 2. Национальность

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
ижор(ка)	10	23
ижор(ка) и в паспорте тоже	7	16
ижор(ка), а по паспорту русская	24	55
ижор(ка), по паспорту была ижорка, стала русская	1	2
русская	1	2
башкир ¹¹	1	2

Таблица 2 показывает, что представители ижоры в большинстве случаев различают «самоидентификацию» и «официальную национальность»¹². Наиболее частым стал ответ, когда

---

¹¹ Ответы «русская» и «башкир» были получены соответственно от женщины, которая являлась ижоркой лишь по бабушке, и мужчины, который был башкиром по отцу и ижорцем по матери.

¹² К сожалению, этот факт не был в достаточной степени осознан нами при составлении анкеты (тем более что к моменту опроса национальность в паспорте уже перестала указываться). Правильнее было бы

опрашиваемый идентифицировал себя как ижор, но официально считался русским. В сложившейся после войны обстановке было значительно удобнее иметь статус русского человека, а не представителя национального меньшинства. Это, как правило, активно поощрялось и местными органами власти¹³:

Когда во время немцев с Финляндии приехали, ведь нам же паспортов не давали, надо было, чтобы русская была. ⟨...⟩ Нам надо было стать русским, потому что нас же домой не пускали. Меняли ижорские паспорта на русские. ⟨...⟩ Я потом за паспортом пошла, не помню уже в каком году, по-моему, в 47-ом, не помню, Николай был вредный мужик, начальник паспортного стола. «Как тебя написать: русская или ижорка?» Я говорю: «Как хотите, так и пишите!» Он написал «русская» (ижорка, 1931 г. р., д. Вистино).

Впрочем, иногда возникала и обратная ситуация, когда власти противились выдаче паспорта с русской национальностью:

А в 45 году, значит, опять срок, надо [паспорт] менять или продлить. И вот тут у меня родственница в Вистине жила, она в этом отделе... не паспортного, но в милиции там. ⟨...⟩ Вот, говорит, этот паспортный механик пойдет в отпуск, а будет менять другой там. А я, говорит, сделаю так, что этот у тебя сменит паспорт. И так достали мы сменять. Прошло немного там времени, приехала эта милиционер сюда, ко мне. «Паспорт!» Я отдала паспорт. Он смотрел себе в книгу, посмотрел паспорт:

— Как это вы сумели менять!? Вы же ижорка! А Вы паспорт меняли на русскую, получили русский паспорт!

— Ну так вот, дали мне сейчас русский паспорт.

— Я сожгу!

— Ну, Ваше дело.

— Вы ижорка!

Я говорю: «Я не знаю, ижорка я или кто. В школу я ходила не ижорскую, а русскую. И в школе нам преподавали только русскую (т. е. на русском. — *Ф. Р., Е. М.*). И крещена я в русской церкви, а не ижорской, а раз я крещена в русской церкви, значит

включить в анкету отдельные вопросы, касающиеся самоидентификации и официальной национальности.

¹³ Здесь и далее в цитатах мы сохраняем специфику речи наших информантов и не подвергаем цитаты «литературной» правке.

я русская!» Так поругал, поругал и ушел. И так я стала в паспорте русская (ижорка, 1913 г.р., д. Валяницы).

В результате сложившейся социальной ситуации, активно провоцировавшей ассимиляцию, большинство ижор официально стали русскими.

В современном ижорском обществе некоторые ижоры (прежде всего, сохранившие свою национальность и на официальном уровне) считают себя «настоящими ижорами», которые, несмотря на тяжелые времена, не изменили своему народу. Они активно противопоставляют себя «неофитам», т. е. этническим ижорам, которые полностью ассимилировались и утратили язык и только в последние годы на фоне национального подъема вспомнили, что они ижоры, и пожелали «вернуться к корням». В результате можно констатировать факт, что в ижорском обществе существует конфликт, обусловленный противопоставлением этих двух групп (ср. также с приведенным ниже анализом данных об участии в ижорской общине в разделе 3.5). Представители первой из этих групп нередко относятся к представителям второй группы с презрением: «Где же вы были раньше, когда мы страдали?»

3.3. Вопрос «Национальность (по-ижорски)»

Таблица 3. Национальность по-ижорски

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
<i>ižorid</i>	7	27
<i>ižorad</i>	1	4
<i>ižoralain</i>	1	4
так же, как и по-русски	4	16
<i>ingerläin, ingerläišt, ingerläižed</i>	3	12
<i>šoikkolašt, šoikkolain</i>	2	8
<i>šōmalaišt</i>	1	4
<i>mäkkülaišt</i>	1	4
не знаю	6	23

Как нетрудно заметить, ответ на этот вопрос дал результаты, заметно отличающиеся от результатов по предыдущему во-

просу (т. е. национальности по-русски). Прежде всего, обращает на себя внимание большое количество затруднившихся ответить (немногим менее четверти опрошенных). Несколько человек смогли назвать только соответствующее русское слово («ижорка» или «ижор»). Трое из опрошенных назвали себя «ингерманландцами» (*ingerläin, ingerläišt, ingerläižed*). Заметим, что это наименование чаще всего используется по отношению к ингерманландским финнам, но также является обобщающим этнонимом для всех представителей финно-угорских народов Ингерманландии. Два человека идентифицировали себя как «сойкинцы» (*šoikkolašt, šoikkolain*), один человек назвал свою национальность по названию деревни (*mäkküläišt*, т. е. «мишинцы, жители деревни Мишино») ¹⁴, а один употребил слово «финны» (*šōmalaišt*), которое ижорцы нередко используют для противопоставления местного населения русскому, по крайней мере касательно языковой идентификации: *miä läkkān šōmekš* «я говорю по-ижорски» (букв. «я говорю по-фински»).

Назвать себя ижорой на ижорском языке удалось чуть более трети опрошенных. При этом один из них образовал множественное число от основы на *-a* (что соответствует русскому наименованию), а еще один употребил дериват с суффиксом *-lain/ -läin* (этот суффикс используется для образования имен со значением национальности, ср. с *venäläin* «русский»).

Следует подчеркнуть, что и ранее существовали проблемы с самоназванием ижоры, которое бы характеризовало ижору как единую нацию. В словаре [Nirvi (ed.) 1971: 94, 536] мы встречаем такие этнонимы, как *iŋGerläin* «(фин.) inkeriläinen (ингерманландец)», *iŋGeroin* (перевод в словаре не дается, приводится лишь один пример из хэваского диалекта ¹⁵) и *soikkolain* «сойкинец», но не находим слов *ižorid* и *ižoralain* ¹⁶.

---

¹⁴ Обратим внимание, что это деревня, в которой он родился, но не та, в которой он жил впоследствии.

¹⁵ В принципе, это слово как раз и означает «ижор», но оно не используется современной ижорой для самоидентификации.

¹⁶ За исключением слова *ižurid*, которое, как отмечено в словаре, используется в северной Эстонии для обозначения сойкинцев [Nirvi 1971: 96].

В целом, можно предположить, что какая-либо обобщающая самоидентификация ижоры, скорее всего, ранее не существовала¹⁷. Для противопоставления себя соседствующим родственным народам использовались эквиваленты глагола «говорить», различающиеся в ижорском, водском и финском языках (см. [Муслимов 2005: 43–44]), а в остальных случаях более принципиальным было деление по территориальному признаку (либо более частное, как, например, указание конкретной деревни, либо более общее, типа «сойкинец»).

3.4. Вопрос «Как вы записались при последней переписи: как ижора или как представитель другой национальности?»

Таблица 4. Как вы записались при последней переписи?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
ижор(ка)	4	17
русская/ий	8	35
не было переписи	6	26
не помню	5	22

Поскольку социологический опрос проводился нами в середине 2000-х гг., данный вопрос касался переписи 2002 г. Полученные результаты позволяют сделать два вывода:

1. Несмотря на то, что в настоящее время ижоры не испытывают заметной дискриминации по национальному признаку (см. также ответы на вопрос «Встречались ли вы в последнее время с негативным отношением к вам как к ижоре?», раздел 3.15), в паспортах не указывается национальность, а идентификация себя как представителя той или иной национальности ни к чему человека не обязывает, людей, записавших себя русскими, оказалось в два раза больше, чем тех, кто записался ижорой. Это вполне может свидетельствовать о достаточно низком престиже

---

¹⁷ По всей видимости, она окончательно не сформировалась и к настоящему времени. Во всяком случае, отношение к населению Нижней Луги характеризуется, скорее, формулировкой «там говорят по-другому», чем «там тоже живет ижора».

ижорской идентичности. Заметим, что записавшиеся ижорой родились в 1980, 1962, 1939 и 1936 гг. (причем в последнем случае человек являлся председателем ижорской общины). В целом же люди поколения 1920-х и 1930-х гг., которые составляют основную массу опрошенных, предпочитали записываться русскими.

2. Четверть опрошенных утверждала, что переписчики к ним не приходили, и около четверти опрошенных не смогли вспомнить факт переписи. Из этого однозначно следует, что перепись 2002 г. проводилась крайне неаккуратно и ее данные не могут считаться достоверными¹⁸.

3.5. *Вопрос «Являетесь ли вы членом ижорской общины (если нет, то собираетесь ли в нее вступить)?»*

Таблица 5. Являетесь ли вы членом ижорской общины?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
да	10	30
нет	23	70

Ижорская община была создана в 2005 г. как орган, призванный обсуждать и решать насущные проблемы, возникающие в ижорском сообществе. Хотя создание общины, несомненно, является позитивным событием, отношение к ней ижорского сообщества по меньшей мере неоднозначно. Лишь треть опрошенных состояла в ижорской общине, остальные же не являлись ее членами. Обратим внимание на тот факт, что среди тех, кто состоял в общине, 7 человек проживали в Вистино и соседней де-

---

¹⁸ Сами результаты переписи однозначно подтверждают этот тезис, поскольку в ряде случаев откровенно противоречат здравому смыслу. Так, в результатах переписи [Итоги 2007] указано 327 этнических ижор и 362 человека, владеющих ижорским языком (очевидно, что последняя цифра завышена как минимум в два раза). Для проживающей по соседству води результаты выглядят просто абсурдно: на 73 этнических представителя этой нации приходится 774 (!) владеющих водским языком. Все прочие источники уже с начала века оценивают количество носителей водского приблизительно в 20 человек (см., например, [Heinsoo 2004]). Заметим, что по этим причинам мы не включали данные переписи 2002 г. в Таблицу 1.

ревне Валяницы, которые можно считать своего рода «центром» ижорских поселений на Сойкинском полуострове. Трое же были из несколько более отдаленных деревень (Югантово, Логи, Пахомовка). Среди ижор, не состоящих в общине, распределение заметно отличалось: лишь пятеро были из центральных деревень (четыре человека из Вистино и один из Ручьев), а остальные 18 проживали «на периферии». Существует как минимум две причины такой ситуации. Во-первых, большинство носителей ижорского языка — пожилые люди, которым непросто перемещаться между населенными пунктами (собрания ижорской общины происходят в Вистино). Некоторые отрицательные ответы на рассматриваемый вопрос сопровождались комментариями «не могу ходить», «далеко от нас» и т. п. Во-вторых, расстояние между деревнями сказывается также на информированности населения, и не все жители дальних деревень знают про общину или воспринимают членство в ней как саму собой разумеющуюся возможность (комментарии «даже и не слышала», «никто не предлагал»).

Однако кроме указанного «географического» фактора существуют и социальные проблемы. Ряд носителей относится к общине негативно, считая, что в нее принимают в основном не «настоящих» ижор, а тех, кто не знает языка и только сейчас стал вспоминать свои корни, а также «понаехавших» представителей других национальностей.

Туда ходят от нас люди, которые вообще близко ижорского не были. А я не, я не пойду (ижорка, 1935 г.р., Вистино).

Один из опрошенных сказал, что боится вступать в общину (имея в виду гонения на ижору, которые пришлось пережить и которые, возможно, еще продолжатся).

Таким образом, ответы на данный вопрос анкеты являются еще одним аргументом, подтверждающим скрытый конфликт в ижорском обществе, в основу которого положено представление о «настоящей» и «ненастоящей» ижоре.

3.6. Вопрос «Родной язык»

Как можно заметить из Таблицы 6, почти 40% опрошенных назвали в качестве родного два языка. Мы намеренно сохранили порядок, в котором назывались языки (ижорский и русский vs

русский и ижорский), хотя можно допустить, что не во всех случаях подразумевалось предпочтение одного языка другому.

Таблица 6. Родной язык

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
ижорский	19	58
ижорский и русский	8	24
русский и ижорский	5	15
русский	1	3

Обратим внимание, что наши результаты существенно отличаются от результатов, представленных в статье [Чушьялова 2010: 121], где русский как родной язык назвали 68% опрошенных. Можно предположить как минимум две причины такого существенного расхождения:

1. В статье А. П. Чушьяловой отмечено, что опрос производился среди этнических ижор (а не носителей языка, как в нашем исследовании). По всей видимости, большую часть опрашиваемых составляли уже почти полностью ассимилированные ижоры, не владеющие языком и потерявшие идентичность¹⁹.

2. Судя по всему, в исследовании А. П. Чушьяловой в качестве ответа от анкетированных требовался выбор лишь одного языка в качестве родного (при проведенном же нами опросе более 40% анкетированных предпочитали указывать два языка в качестве родных).

Следует подчеркнуть, что само понятие родного языка очень непростое, и наличие нескольких вариантов ответа на этот вопрос не является удивительным. В [Замятин и др. 2012: 9] указывается четыре критерия, по которым определяется родной язык: а) возраст освоения, б) язык, выученный от родителей,

---

¹⁹ Об этом свидетельствуют как их самоидентификация (лишь треть опрошенных назвала себя ижорой), так и данные об использовании языка (только четверть опрошенных назвала родным ижорский язык; многие из опрошенных вообще не говорили на ижорском в детстве и лишь немногим более четверти опрошенных говорили только на ижорском в дошкольном возрасте).

в) языковая компетенция, г) этническая идентичность. Более детальный анализ многогранности понятия «родной язык» приводится в [Scutnabb-Kangas 1981: 18], где, в частности, учитывается, какой язык был выучен первым, на каком языке происходила первая длительная коммуникация, какой язык человек знает лучше других, какой язык используется больше всего, с каким языком человек себя идентифицирует и с каким языком его идентифицируют окружающие, а также на каком языке человек думает (считает, ведет дневник и пр.). Высказанное в [Чушъялова 2010: 121] обобщение, что родным ижора считает язык, который используется во всех сферах жизни, представляется нам не совсем корректным, поскольку, во-первых, странно было бы думать, что все представители ижоры единодушны в своем понимании того, что такое «родной язык», во-вторых, как показывают данные нашего опроса, полноценные носители языка признают русский язык родным только параллельно с ижорским (хотя для всех опрошенных русский язык является сейчас основным языком общения)²⁰. Лишь одна женщина указала в качестве родного только русский язык, поскольку на ижорском она начала говорить позже, чем на русском (ее мать была наполовину ижорка, а отец вообще был не ижор; тем не менее, эта носительница свободно владеет ижорским языком).

3.7. Вопрос «Когда вы выучили русский язык?»

Среди 38 ответивших на этот вопрос очевидным образом выделяются две группы (Таблица 7): те, кто выучил русский язык еще в детстве, и те, кто выучил русский уже в школе. Трое опрошенных отметили, что освоение русского языка происходило и дома, и в школе. Заметим, что жесткой корреляции между при-

---

²⁰ В [Чушъялова 2010: 121] также отмечается, что «возможны случаи определения родного языка исходя из этнической принадлежности: имея русскую этническую принадлежность, родным языком может быть только русский». Это утверждение, очевидно, неприменимо к полноценным носителям ижорского языка, которые (см. Таблицу 2) последовательно противопоставляют национальность «официальную» и «реальную», и факт приобретения ими в сознательном возрасте официальной национальности «русский» ни в коей степени не доминирует при определении своего родного языка.

надлежностью к одной из групп и возрастом носителя не наблюдается: в обеих группах встречаются представители разных поколений (т. е. и 1920-х, и 1930-х, и 1940-х гг.). Трое опрошенных (все они родились незадолго до войны) указали, что выучили русский после возвращения на родину (т. е. попав в русскую языковую среду). Одна носительница ответила, что выучила русский «в деревне», не уточнив, в каком именно возрасте это произошло.

Таблица 7. Когда вы выучили русский?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
в детстве (до школы)	12	32
в школе	18	47
после Финляндии/войны	3	8
дома и в школе	3	8
родной	1	3
прочее	1	3

На первый взгляд может показаться, что эти данные лишь подтверждают очевидное утверждение, что именно школа приводит к языковому сдвигу, наблюдаемому у малых народов Российской Федерации. Однако, с нашей точки зрения, большего внимания заслуживает тот факт, что знание русского языка еще в дошкольном возрасте (наблюдающееся у трети опрошенных) нисколько не помешало сохранить компетенцию в своем родном языке. Этот факт подтверждает тезис о том, что бытовое представление «человек может хорошо знать только один язык» является в корне неверным, и необходимость бескомпромиссного выбора «родной язык vs доминирующий язык» навязана стереотипами и страхами общества, а не рациональной оценкой возможностей адаптации человека в обществе (см., например, [Замятин и др. 2012: 14–15, 143]).

3.8. Вопрос «Знают ли ваши дети ижорский язык?»

Таблица 8. Знают ли ваши дети ижорский язык?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
знают	1	2
некоторые знают, остальные нет	2	5
некоторые знают, остальные только понимают	1	2
знают немного	6	15
некоторые знают немного, остальные нет	1	2
только понимают	11	27
некоторые понимают, остальные нет	8	20
не знают	8	20
нет детей	3	7

Самый первый вывод, который можно сделать из Таблицы 8, состоит в том, что знание ижорского языка детьми в одной и той же семье часто бывает неравномерным (из 41 опрошенного такая ситуация зафиксирована у 12 человек).

Количество семей, в которых есть дети, но ни один из них не знает языка, невелико (всего лишь одна пятая). Однако значительно реже бывает, когда кто-то из детей хорошо владеет ижорским языком (таких случаев всего три и при этом мы не можем быть уверены в том, что разговор идет именно о полноценном знании языка). В большинстве случаев (две трети) хотя бы один ребенок из семьи знает язык пассивно или в небольшой степени. Если бы можно было исключить такие принципиальные факторы, как трудовую миграцию из деревни в город и крайне низкую мотивацию для изучения языка, то данную языковую ситуацию можно было бы охарактеризовать как вполне благоприятную для ревитализации языка.

3.9. Вопросы «На каком языке вы говорите с детьми?»
и «На каком языке вы говорили с родителями?»

Таблица 9. На каком языке вы говорите с детьми?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
по-ижорски	1	3
по-ижорски и по-русски ²¹	2	5
по-русски и по-ижорски	5	13
по-русски	29	73
нет детей	3	8

Из 40 ответивших на этот вопрос лишь один человек использует ижорский для общения с детьми (при этом его дети знают ижорский слабо, и можно предположить, что при общении на ижорском языке он говорит сам, а дети отвечают больше по-русски, что является типичным для рассматриваемой языковой ситуации). В целом только одна пятая часть опрошенных в какой-либо степени использует ижорский язык для общения с детьми. Подавляющее же большинство людей говорит с детьми по-русски. Сопоставив эти данные с ответами на предыдущий вопрос, можно сделать вывод, что именно отсутствие мотивации для общения на ижорском становится решающим фактором, препятствующим сохранению языка.

Показательным также является сопоставление ответов на этот вопрос с ответами на вопрос «На каком языке вы говорили с родителями?» (Таблица 10).

Из 42 опрошенных более половины общалось с родителями только на ижорском языке и почти никто не использовал только русский язык как основной язык общения в родительской семье.

Таким образом, принципиальное изменение языковой ситуации произошло в течение жизни одного поколения. Очевидно, что доминирующий язык, имеющий официальный статус, получает неоспоримое преимущество над малым бесписьменным языком в сферах публичного использования (обучение, делопроиз-

---

²¹ Так же как и в случае ответа на вопрос «Родной язык», здесь и далее мы сохраняем порядок, в котором назывались языки.

водство и пр.). Однако такое же доминирование в частном общении (и, прежде всего, в семейной сфере) не является обязательным, и переход к нему может растягиваться на поколения. В случае же ижорского языка языковой сдвиг происходил очень быстро, поскольку в течение очень короткого времени ижорский язык был поставлен в положение непрестижного и даже «опасного».

Таблица 10. На каком языке вы говорили с родителями?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
по-ижорски	23	55
по-ижорски (с матерью)	2	5
по-ижорски и по-русски	11	26
сначала по-ижорски, потом по-русски	2	5
по-русски, но по-ижорски с бабушкой	1	2
по-русски и по-ижорски	2	5
по-русски	1	2

3.10. Вопрос «Хотелось ли вам, чтобы ваши дети говорили на ижорском языке?»

Таблица 11. Хотелось ли вам, чтобы ваши дети говорили на ижорском языке?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
да	9	36
все равно	3	12
никогда об этом не думал	1	4
дети немного говорят/понимают	3	12
нет	4	16
прочее	2	8
нет детей	3	12

Несмотря на небольшое количество ответивших на этот вопрос (25 человек), ответы вскрывают самую принципиальную проблему, касающуюся передачи языка следующему поколению. Лишь треть опрошенных дала однозначный положительный от-

вет на данный вопрос. В остальных же случаях ответы варьировали от слабо позитивного до резко негативного.

Как правило, отрицательные ответы мотивируются травмирующими воспоминаниями о негативном отношении к ижорскому языку.

Если б не плохое отношение к ижорам в послевоенное время, то почему бы детям и не знать еще один язык (ижорка, 1936 г. р., Кошкино).

Другими типичными объяснениями были «сейчас уже поздно», «если бы дети хотели бы, то знали бы», «этот язык не нужен: там, где живут дети, по-ижорски не говорят».

Особо следует отметить, что три человека ответили на данный вопрос, что их дети немного говорят (понимают) по-ижорски. Такой ответ подразумевает, что с точки зрения отвечающего задача передачи языка следующему поколению выполнена. Поскольку в действительности речь идет лишь о самом базовом или пассивном знании языка, можно сделать вывод, что возвращение обществом полноценных носителей не является даже гипотетической задачей. С этой точки зрения можно провести аналогию с процессом «фольклоризации» (см. [Замятин и др. 2012: 39]), который предполагает лишь номинальное сохранение культуры в виде ограниченного (и фактически неживого) набора ее элементов (фольклорный ансамбль, национальное блюдо, национальный костюм и т. д.), и создает иллюзию, что культура сохранена. Так же и в рассматриваемой ситуации тот факт, что следующее поколение знает несколько простых фраз или пару стишков, позволяющих декларировать свою принадлежность к народу и его языку, может создать иллюзию, что язык передан потомкам и сохранен.

3.11. Вопрос «Пытались ли вы учить ваших детей вашему языку? Если нет, то почему?»

Как следует из Таблицы 12, подавляющее большинство опрошенных не предпринимало попыток обучить детей ижорскому языку. Типичными объяснениями были: «был запрет», «дети желания не проявляли», «муж хотел, чтобы у детей не было проблем в школе», «не было такой необходимости», «специально не по-ижорски говорила из-за плохого отношения к ижоре», «чтобы

не путали с русским». Таким образом, существовал целый комплекс препятствий на пути передачи языка следующему поколению: а) негативное отношение социума, б) нежелание самих детей, в) отсутствие мотивации, г) отсутствие достаточного количества сфер применения языка.

Таблица 12. Пытались ли вы учить ваших детей вашему языку?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
да	5	14
чуть-чуть	2	5
да, но дети не хотят	1	3
нет	26	70
нет детей	3	8

Отдельно следует сказать несколько слов по поводу причины «дети не хотят». Не следует исключать, что нежелание детей говорить на языке родителей бывает несколько преувеличено родителями. Довольно часто дети проявляют к языку интерес, который мог бы развиваться от абстрактного к конкретному. Однако серьезным препятствием становится проживание среднего поколения вдали от ижорских деревень.

Тут была старшая дочка приехавши с Украины, так говорит: «Мама, говори по-ижорски, я хочу, говорит, слушать, как ты говоришь по-ижорски». А я говорю: «Но ты же ведь [говоришь] по-русски, вообще не знаешь по-ижорски». Дак она говорит: «Говори, говори» (ижорка, 1931 г. р., Логи).

Показательным также является следующий фрагмент интервью, записанного в д. Слободка (Н — носитель языка, Д — дочь носителя, Л — лингвист):

Л: И Вы с ними никогда по-ижорски не говорили?

Н: Нет, нет.

Д: Только ругаемся по-ижорски.

Н: Нет, ну что ты!

Л: То есть Вы умеете ругаться по-ижорски?

Д: Ну отдельные слова знаю.

Н: По-ижорски не ругаемся.

Д: По секрету если мама что хочет сказать, скажет, пойму.
 Л: А Вас не пытались учить?
 Д: Ну я уехала рано, так что... Надо было учить!
 Л: А вот внуки Ваши? Вы не пытаетесь их научить? Они не интересуются этим языком?
 Н: Нет, они как-то не интересовались. И так они все по-русски разговаривают.
 Л: А Вы бы хотели, чтобы Ваши внуки разговаривали по-ижорски?
 Н: А мне как-то это и... все равно
 Л: (обращается к дочке) Ну а Вы как к этому относитесь?
 Д: А я бы хотела знать, да. Хотела бы, но я уехала рано.

3.12. Вопрос «Национальность мужа/жены»

Таблица 13. Национальность мужа/жены

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
ижор	24	52
ижор (наполовину)	2	4
русский	9	20
украинец	3	7
белорус	1	2
узбек	1	2
водь	1	2
финн	1	2
не ижор	1	2
не был(а) в браке	3	7

Из 46 опрошенных большинство состояло в браке с ижорами. Однако смешанные браки также были довольно частым явлением: почти треть людей состояла в браке с представителями неродственных национальностей. Не имея статистических данных по бракам всего населения в ижорских деревнях, невозможно делать окончательные выводы о зависимости языковой компетенции человека от национальности его супруга, но, похоже, что такой зависимости не наблюдается.

Однако национальность супруга оказывается важной для передачи языка следующим поколениям. В Таблице 14 приведены данные о знании ижорского языка детьми дифференцированно для тех семей, где оба родителя были ижоры (группа 1), и тех семей, где ижор(ка) был(а) в браке с представителем неродственной национальности (группа 2)²².

Таблица 14. Знание языка детьми в зависимости от национальности супруга и опрошенного

Варианты ответов	Оба родителя — ижоры		Второй родитель — неродственной национальности	
	Количество ответивших	% от числа ответивших	Количество ответивших	% от числа ответивших
знают			1	8
некоторые знают, остальные нет	2	9		
некоторые знают, остальные только понимают	1	5		
знают немного	5	23	1	8
некоторые знают немного, остальные нет	1	5		
только понимают	8	36	2	17
некоторые понимают, остальные нет	4	18	4	33
не знают	1	5	4	33
ВСЕГО	22	100	12	100

Хотя небольшой объем данных не позволяет сделать окончательные выводы, нетрудно заметить тенденцию: в группе 2 существенно больше случаев, когда дети совсем не знают языка, а в группе 1 в большинстве случаев дети либо немного знают ижорский язык, либо способны его понимать. Таким образом, можно

²² Случаи брака с представителем родственной национальности мы не рассматриваем.

предположить, что в ситуации низкого языкового престижа смешанные браки заметно затрудняют передачу языка следующему поколению (хотя следует подчеркнуть, что это является именно тенденцией, а не общим правилом).

3.13. Вопрос «Если были смешанные браки, то какой язык был в семье основным?»

Таблица 15. Если были смешанные браки, то какой язык был в семье основным?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
русский	8	35
скорее русский, но бывало, что и ижорский	4	17
русский или ижорский	5	22
не было смешанных браков	1	4
до войны — ижорский, потом — русский	1	4
в зависимости от мужа	3	13
не знаю	1	4

Очевидно, что ответы на этот вопрос не дают реальной картины использования языка в смешанных браках (для этого следовало бы проводить специальный опрос тех, кто состоял в смешанном браке, — а таких среди наших информантов было заведомое меньшинство). Тем не менее приведенные ответы отражают представления о выборе языка при межэтнической коммуникации и могут выявить основные тенденции отношения к языку в обществе.

Из 23 ответивших более трети считало, что в ситуации смешанного брака использовался русский язык. Также более трети допускало, что ижорский язык тоже мог использоваться (в некоторых случаях приводились конкретные примеры с именами). Трое опрошенных признавали право выбора языка за мужем. Один человек отметил смену тенденции (до войны ижорский язык был основным языком общения в ижорских деревнях, и он же становился языком общения в смешанной семье; после войны,

когда доминирующим стал русский язык, он же оказался и языком общения супругов). Один опрошенный отрицал существование смешанных браков как таковых (что, конечно, неверно: хотя существовала тенденция выбирать себе мужа/жену «из своих»), смешанные браки все-таки встречались, см. Таблицу 13). Таким образом, ни один человек не высказал мнения, что ижорский являлся основным языком общения в смешанных семьях.

Эти данные показывают, что престиж русского языка был существенно выше не только в официальной сфере (школа, работа и т. д.), но и в сфере семьи, и это, несомненно, ускорило вымирание ижорского языка.

Обращает на себя внимание тот факт, что три человека отметили доминирующую роль мужчины при выборе языка общения в семье. Поскольку таких ответов было немного, а подавляющее большинство опрошенных — женщины, было бы преждевременно делать какие-то определенные выводы. Все же этот факт может быть интересен для анализа гендерного устройства описываемого общества.

3.14. Вопрос «Приходилось ли вам встречаться с негативным отношением к вашему языку со стороны русских?»

Таблица 16. Приходилось ли вам встречаться с негативным отношением?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
да	27	79
нет, но...	2	6
нет	5	15

Из 34 человек, ответивших на этот вопрос, подавляющее большинство отмечает, что встречалось с негативным отношением со стороны русских. Среди приведенных пояснений чаще всего указывались следующие: «ижор считали врагами народа (изменниками)», «нас не пускали домой, высылали» и «нас обзывали талапанами и чухной». Несколько опрошенных просто ответили, что «были гонения». Некоторые отмечали, что с негативным отношением они сталкивались главным образом в русских

деревнях, куда ижорцы были поселены после возвращения из Финляндии.

Тогда же это все преследовалось, потому что ижорцев тогда вообще не терпели. В школе, если напишешь диктант, или не дай Бог, буквы не такие, то там вообще всех преследовали (ижорка, 1936 г. р., Валяницы).

{в рассказе о том, как старушка, говорившая только по-ижорски, попросила купить хлеба} А я ей ответила ни с того, ни с сего по-ижорски. Я ответила: «Не надо мне денег, я сама куплю и тебе принесу. Иди потихоньку домой!». Так уже пускай там кто бы, соседка, она мне сказала: «Во! пришли талапаны!» (ижорка, 1928 г. р., Горки).

Раньше нельзя было ижорского языка в школах, нельзя было, потому что ругали. Вот как у меня младший сын был, учился, он не хотел понимать, все эти учителя приезжали что ли: «Не надо по-ижорски его учить, надо по-русски» (ижорка, 1920 г. р., Вистино).

Следует обратить внимание, что одной из причин конфликта между русскими и ижорами было непонимание со стороны русских того, что ижоры являются исконным населением Ингерманландии. Ижоры, которым удалось добиться разрешения на возвращение в родные места, обнаружили, что их деревни и дома заселены русскими. Русские воспринимали ижор как новопришельцев:

Идут молодые парни навстречу: «Откуда теперь этих чухон привезли!?» (ижорка, 1920 г. р., Вистино).

Сын спросил учительницу: «Правда ли, что в Америке лучше живут?» Она ответила: «Твоих родителей, откуда они пришли, обратно туда и надо отправить» (ижорка, 1928 г. р., Горки).

Две женщины сказали, что в целом негативного отношения не замечали, но у одной были проблемы с пропиской, а другая встречалась с негативным отношением приезжих (возможно, имея в виду не русских, а представителей других национальностей, которые появились в этих местах относительно недавно).

Обратим внимание на пятерых опрошенных, ответивших, что им не приходилось встречаться с негативным отношением со стороны русских. Все они проживают в деревнях, отдаленных от центральных деревень и расположенных в южной части Сойкин-

ского полуострова (двое живут в деревне Слободка, остальные — в Югантово, Кошкино и Красной горке). Хотя имеющихся данных недостаточно для окончательных выводов, можно предположить, что в южных деревнях Сойкинского полуострова отношение к ижорам и ижорскому языку не принимало таких резких форм, как в центральных и прилегающих к ним северных деревнях (возможно, из-за большей отдаленности этих деревень от центра и меньшей их кучности).

3.15. Вопрос «Встречались ли вы в последнее время с негативным отношением к вам как к ижоре?»

Таблица 17. Встречались ли вы в последнее время с негативным отношением?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
скорее, да	3	13
нет, но...	1	4
нет	20	83

Как нетрудно заметить, данные, приведенные в Таблице 17, кардинальным образом отличаются от ответов на предшествующий вопрос (Таблица 16). Подавляющее большинство опрошенных не сталкивалось в последние годы с негативным отношением, а среди давших положительный ответ не было ни одного человека, который утверждал бы это с уверенностью. В одном случае ответ сопровождался ремаркой «Были гонения на ижоров», что свидетельствует, скорее, о переносе прежней ситуации на нынешнее время. В другом случае было дано довольно общее пояснение «Русские недолюбливают, когда ижоры чего-то хотят», в третьем же случае отмечалось, что негативное отношение наблюдается не со стороны проживающих в окрестных деревнях русских, а со стороны недавно приехавших (среди которых много представителей других национальностей). Один человек ответил, что в целом негативного отношения нет, но сосед «не переваривает» ижор и зовет их «талапанами». В любом случае можно констатировать, что негативное отношение послевоенного времени, приведшее к критическому сокращению сфер использования

ижорского языка, к данному моменту сменилось на толерантное и сколько-либо серьезного конфликта между представителями русской и ижорской национальностей не существует.

3.16. Вопрос «Умеете ли вы писать на ижорском языке? Если да, то какими буквами?»

Таблица 18. Умеете ли вы писать на ижорском языке?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
да, финскими буквами (т. е. латиницей)	6	23
да, русскими буквами (т. е. кириллицей)	9	35
умела в школе	3	11
нет	8	31

Как было отмечено выше, в начале 1930-х гг. для ижорского языка была создана письменность, и велось преподавание на ижорском языке в школе. В 1937–1938 гг. все ижорские школы были закрыты, а учителя репрессированы [Мусаев 2004: 268]. Среди опрошенных носителей языка, большинство из родившихся в 1925–1927 гг. ответили, что умеют (или умели) писать на ижорском латиницей, остальные же отвечали, что могут писать кириллицей, или же, что не умеют писать на ижорском (последние две группы примерно равны).

Описанная ситуация выглядит достаточно интересно: с одной стороны, нельзя признать ижорский язык бесписьменным, поскольку более половины опрошенных в состоянии написать что-либо на родном языке. С другой стороны, невозможно назвать ижорский язык письменным, поскольку процент носителей языка, не способных писать на нем, велик (притом что все носители являются грамотными), а остальные не используют единую систему кодификации. В системе классификации языков с точки зрения письменности (бесписьменный, младописьменный, с письменной традицией) ижорский, возможно, должен характеризоваться особым образом, например как «экс-младописьменный» язык.

Следует подчеркнуть, что наличие или отсутствие грамотности в определенной степени коррелирует с оценкой своей языковой компетенции (именно с оценкой, а не с языковой компе-

тенцией как таковой). Некоторые носители языка отмечали, что не могут считать себя полноценной ижорой, поскольку не умеют писать на родном языке:

Ain šaodā šii ōd ižori. Migä, migä pergele miä ōn ižori kuin miä en tije ühtä šaännä, ken ühtkä bukvä en tije, ižorin bukvä ‘Все время говорят: «Ты ижора». Какого черта я ижора, когда я не знаю ни слова, [я та,] кто ни одной буквы не знает, ижорской буквы’ (ижорка, 1931 г. р., Вистино).

Несомненно, такое отношение не способствует повышению престижа языка. Накладываясь на известные стереотипы того, что нынешний язык уже неправильный и «чистой ижоры» уже нет²³, оно усиливает ощущение навсегда потерянных языка и идентичности.

3.17. Вопрос «Знаете ли вы ижорские сказки?»

Ответы на этот вопрос (Таблица 19) однозначно показывают, что в ижорском обществе одновременно с вымиранием языка (или даже раньше его) происходит вымирание словесной культуры, в частности фольклора. Среди собранных нами на Сойкинском полуострове более чем двухсот нарративов нет ни одной сказки.

Таблица 19. Знаете ли вы ижорские сказки?

Варианты ответов	Количество ответивших	% от числа ответивших
нет	32	94
раньше знала	1	3
знаю только одну	1	3

Фактически фольклор ограничивается лишь несколькими стишками и песнями (в большинстве своем общеизвестными и

---

²³ См. обсуждение этого вопроса в [Замятин и др. 2012: 35–36]. В этом контексте показательным представляется пример, приведенный в [Чушъялова 2010: 120], где носительница ижорского языка определяет «чистых ижорцев» как тех, кто не умеет говорить по-русски. Впрочем, приведенное там же утверждение автора статьи, что так же считают многие жители сойкинского полуострова, кажется нам несколько преувеличенным.

постоянно цитируемыми), и лишь в отдельных случаях кому-то из носителей языка удастся вспомнить менее известную песню или поговорку.

Заметим, что исчезновение сказок как живого фольклорно-жанра не следует считать особенностью последних десятилетий. Так, например, в фольклорной коллекции из архива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, включающей более 60 часов ижорских записей 1968–1977 гг. и содержащей свыше 1500 фольклорных произведений и нарративов, встречается лишь немногим более двадцати сказок. Почему именно сказки оказались таким «хрупким» жанром, который полностью исчез к настоящему времени, нам не до конца понятно.

3.18. Вопрос «Какие народы, издавна проживающие на территории ленинградской области, вам известны?»

В данном вопросе, на который ответили 23 человека, предполагалось перечисление всех известных национальностей за исключением русских²⁴.

Ответы на данный вопрос (Таблица 20), с одной стороны, показывают, что большинство ижорцев, проживающих на Сойкинском полуострове, слышало о существовании родственных народов, живущих неподалеку (два человека даже назвали вепсов, места проживания которых находятся, по крайней мере в настоящее время, далеко от мест проживания ижоры). С другой стороны, лишь пять человек смогли назвать более одного родственного народа. Такая ситуация позволяет выдвинуть предположение, что у сойкинской ижоры нет ярко выраженной финно-угорской идентичности, позволяющей воспринимать соседствующие народы как близкородственные. Представление о том, кто именно проживает в районе Нижней Луги (т. е. на расстоянии в несколько десятков километров), у жителей Сойкинского полуострова достаточно условное и нередко описывается словами «там говорят немного по-другому». На вопрос «Слышали ли вы

---

²⁴ В силу этого факта и того, что наименования национальностей могут варьировать, включение в Таблицу 20 графы с указанием процента от числа опрошенных, назвавших ту или иную национальность, не представляется осмысленным.

про народ водь (или вадья, вадьялайзед)?» положительный ответ дали 28 человек из 36, в то время как 8 человек никогда про водь не слышали. Таким образом, сопоставив эти данные с ответами на вопрос «Национальность по-ижорски» (см. Таблицу 3) можно утверждать, что территориальная идентификация оказывается для сойкинской ижоры более значимой, чем собственно этническая.

Таблица 20. Какие народы, издавна проживающие на территории ленинградской области, вам известны?

Варианты ответов	Количество ответивших
водь	9
вадьяласт	4
карелы ²⁵	2
карело-финны	1
финны	5
вепсы	2
не знаю	6

4. Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

1. Наше исследование подтвердило, что ижорский язык по шкале EGIDS [Lewis, Simons 2010] попадает в категорию 8b «почти вымерший» (nearly extinct)²⁶, поскольку за редчайшим исключением ижорским владеют представители самого старшего поколения, которые в большинстве своем используют язык только эпизодически. Учитывая низкий престиж языка и отсутствие мотивации для его сохранения, следующим этапом может стать

---

²⁵ К сожалению, при опросе не было подробно выяснено, кто именно подразумевался под «карелами»: собственно карелы, ингерманландские финны (через этноним «карело-финны») или кто-то еще. Про этноним “karjalain”, который раньше использовался для обозначения ижор, см. [Муслимов 2005: 63–64].

²⁶ Ср. с совпадающей оценкой базы данных “Ethnologue. Languages of the World” [Ethnologue 2013].

не уровень 9 «дремлющий» (dormant), а уровень 10 «вымерший» (extinct). Однако поскольку существуют единичные примеры носителей среднего возраста, этот переход, скорее всего, будет длиться десятилетиями.

2. Можно отметить целый ряд причин, приведших к почти полному исчезновению языка. Определяющей среди них является послевоенная ситуация, когда ижорские деревни были заселены русскими, относившимися негативно к использованию ижорского языка, а официальные структуры всячески поддерживали такое отношение, запрещая детям общаться на родном языке (в том числе в школе) и фактически заставляя родителей переучивать детей на русский язык. Отсутствие позитивных моментов, связанных с использованием родного языка, постоянные насмешки, страх выселения или репрессий, усиленный ужасами пережитой депортации, в течение короткого времени принципиально изменили языковую ситуацию, заставив людей отказаться от передачи языка следующему поколению. Дополнительным фактором, ускорившим этот процесс, стал запрет на возвращение в родные деревни, в результате которого те, кто смог вернуться, оказались в своих родных краях этническим меньшинством²⁷.

---

²⁷ Заметим, что описанные причины существенно расходятся с теми, которые приведены в статье [Чушъялова 2010: 121–122]. Автор статьи отмечает в качестве основных причин перехода на русский язык а) насильственное заселение ижорских территорий русскими в XVIII–XIX вв., б) русификацию ижорских школ, в) смешанные браки, г) депортацию и запрет на возвращение, д) начало ухода из жизни монолингвов в 1990-х гг., е) развитие инфраструктуры (в частности, Усть-Лужского порта). Некоторые из указанных причин очевидным образом не могли существенно повлиять на языковую ситуацию. Так, несмотря на русификацию ижорских территорий в XVIII–XIX вв., с середины XIX до первой четверти XX в. ижорское население (и, соответственно, число носителей) практически не сокращалось. Строительство же порта, интенсифицировавшееся лишь в последние годы, не могло уже значительно повлиять на языковую ситуацию (хотя, конечно, нанесло непоправимый вред экологии и социальной структуре ижорских деревень). Уход из жизни монолингвов (который в 1990-х гг., скорее, завершался, чем начинался), является общим процессом в условиях глобализации, однако сам по себе он не приводит к вымиранию языка в течение одного поколения (о чем свидетельствуют примеры других малых языков

3. Такие факторы, как общее число носителей языка и наличие среднего поколения, пассивно знающего ижорский язык, позволяют допустить гипотетическую возможность ревитализации. Однако на этом пути существует ряд препятствий, преодоление которых в нынешней ситуации не представляется реалистичным.

Во-первых, это крайне низкий престиж ижорского языка и, соответственно, отсутствие мотивации для его сохранения.

Во-вторых, это конфликт внутри ижорской общины, а именно, наличие группы носителей, считающих владение языком своей прерогативой и не намеренных помогать в изучении языка представителям ижоры, утратившим язык и желающим его восстановить. Заметим, что даже у тех носителей языка, которые не участвуют в этом конфликте, нередко проявляется склонность к языковому пуризму и, как следствие, негативное отношение к любым отклонениям от некоторой условной языковой нормы²⁸ (см. [Замятин и др. 2012: 35–36]).

В-третьих, это «фольклоризация языка» (см. [Замятин и др. 2012: 39]), подменяющая активное восстановление языка полезной, но недостаточной для сохранения языка активностью (фольклорные ансамбли, музеи, курсы традиционных ремесел).

В-четвертых, это общий процесс распада сельского уклада жизни и разрушения социальной структуры деревни, при котором среднее и молодое поколения перебираются в города и оказываются полностью выключенными из языковой среды.

Тем не менее нельзя исключать, что появление энтузиастов, готовых взяться за дело сохранения ижорского языка, могло бы изменить ситуацию и дать ижорскому языку новый шанс на жизнь.

Российской Федерации). Смешанные же браки и русификация школ, несомненно, являются существенными, но не самыми критическими факторами.

²⁸ Подчеркнем, что понятие такой нормы глубоко индивидуально, а возможное несоответствие ей какого-то идиолекта может объясняться не тем, что его обладатель слабо знает язык, а тем, что он использует другой диалектный вариант (небольшие отличия в лексике, фонетике и грамматике могут наблюдаться в соседних деревнях или даже в идиолектах одной деревни).

Приложение

Социолингвистическая анкета, использовавшаяся при работе с ижорским населением

1. ФИО.
2. Год рождения (и по возможности дата).
3. Место рождения.
4. Где жили, когда переезжали.
5. Место рождения отца.
6. Национальность отца.
7. На каких языках говорил отец.
8. Место рождения матери.
9. Национальность матери.
10. На каких языках говорила мать.
11. Место рождения мужа/жены.
12. Где жил(а), когда переезжал(а) муж/жена.
13. Национальность мужа/жены.
14. На каких языках говорит муж/жена.
15. Профессия, образование.
16. Национальность.
17. Национальность (по-ижорски).
18. Как вы записались при последней переписи: как ижора или как представитель другой национальности?
19. Родной язык.
20. Какими языками владеете (где вы их учили, как и когда вы их используете)?
21. На каком языке вы говорили с родителями?
22. На каком языке ваши родители общались друг с другом?
23. На каком языке вы говорите с детьми?
24. Знают ли ваши дети ижорский язык?
25. Есть ли у вас братья, сестры, и на каком языке вы говорите с ними?
26. На каком языке вы говорили в детстве?
27. Учили ли вы ижорский язык в школе (если да, то когда это было)?
28. На каком языке вы говорили в школе?
29. Когда вы выучили русский язык?
30. Говорили ли вы по-ижорски в послевоенное время (если да, то с кем)?
31. Как часто вам сейчас приходится общаться по-ижорски? Если приходится, то с кем?
32. Были ли вы во время войны в Финляндии, а если нет, то где?
33. На каком языке вам там приходилось говорить?

34. Общались ли вы в послевоенное время с финнами или эстонцами (если да, то на каком языке)?
35. Приходилось ли вам встречаться с негативным отношением к вашему языку со стороны русских?
36. Встречались ли вы в последнее время с негативным отношением к вам как к ижоре?
37. Люди каких национальностей в основном проживали в вашей деревне?
38. На каком языке вы общались с представителями этих национальностей?
39. Если были смешанные браки, то какой язык был в семье основным?
40. Пытались ли вы учить ваших детей вашему языку? Если нет, то почему?
41. Если да, то как они к этому относились и что получилось?
42. Хотелось ли вам, чтобы ваши дети говорили на ижорском языке?
43. Какая национальность у ваших детей?
44. С кем вы считаете предпочтительным брак для ваших детей (с точки зрения национальности)?
45. Какие народы, издавна проживающие на территории Ленинградской области, вам известны?
46. Как вы их называете по-ижорски?
47. Насколько отличается их язык от ижорского?
48. Приходилось ли вам с ними общаться и на каком языке?
49. Кого из них вы считаете наиболее близким к ижоре по языку?
50. Слышали ли вы про народ «вудь» (или «вадья», «вадьялайзед»)?
51. В каких ситуациях вы сейчас используете ижорский язык, и насколько часто вы его используете?
52. Хотели бы вы, чтобы ижорский преподавался в школе?
53. Являетесь ли вы членом ижорской общины (если нет, то собираетесь ли в нее вступить)?
54. Смотрели ли вы (смотрите ли вы) финские/эстонские передачи по телевизору или слушали/слушаете ли вы финское/эстонское радио?
55. Читали/читаете ли вы финскую/эстонскую прессу?
56. Умеете ли вы писать на ижорском языке? Если да, то какими буквами?
57. Знаете ли вы ижорские песни? Поете ли вы их?
58. Знаете ли вы ижорские сказки?
59. Есть ли какие-то различия между русскими и ижорскими традициями и праздниками?

Литература

- Замятин и др. 2012 — К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, 2012.
- Итоги 2007 — Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Вып. 7: Национальный состав и владение языками населения ленинградской области: Стат. сборник. СПб.: ИИЦ «Статистика России», 2007.
- Конькова 2001 — О. Конькова. Ижора // Пчела 34, июль–август 2001. (<http://www.pchela.ru/podshiv/34/ijora.htm>)
- Крючкова 2003 — Т. Б. Крючкова. Ижорский язык // В. Ю. Михальченко (отв. ред.). Письменные языки мира: Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М.: Academia, 2003. С. 164–173.
- Лаанест 1977 — А. Лаанест. Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками // Советское финно-угроведение. Т. 13. № 4. 1977. С. 253–260.
- Мусаев 2004 — В. П. Мусаев. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2004.
- Муслимов 2005 — М. З. Муслимов. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2005.
- Чушъялова 2010 — А. П. Чушъялова. Исчезающие финно-угорские языки Российской Федерации на примере ижорского языка (опыт полевого исследования) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 3. 2010. С. 118–124.
- Ernits 2007 — E. Ernits. Isurite asualadest ja algkodust // H. Koks, J. Rahman (eds.). Ödagumeressoomõ kodo. Läänmeresooome kodu. Konvõrents Võrul, 19–21. rehekuul 2006. Võro: Võro Instituut, 2007. P. 13–32.
- Ethnologue 2013 — Ingrian // Ethnologue: Languages of the World. (<http://www.ethnologue.com/language/izh>). Дата доступа: 20.06.2013.
- Haarmann 1974 — H. Haarmann. Soziolinguistisch-lexikologische Studien zu den ingrisch-russischen Sprachkontakten: mit einem ingrisch-russischen Wörterverzeichnis. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1974.
- Haarmann 1984 — H. Haarmann. Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Bd. 3: Aspekte der ingrisch-russischen Sprachkontakten. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1984.
- Heinsoo 2004 — H. Heinsoo. Investigating obsolescence: Votic // Fenno-Ugristica 26, 2004. P. 10–16.

- Köppen 1867 — P. Köppen. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. SPb.: K. Akademie der Wissenschaften, 1867.
- Kurs 1990 — O. Kurs. Ingeri põliselanike saatus // *Akadeemia* 7, 1990. P. 1484–1499.
- Laanest 1998 — A. Laanest. Isurid ja isuri keel // J. Õispuu, M. Joalaid (eds.). *Kaheksa keelt, kaheksa rahvast*. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 1998. P. 30–36.
- Lewis, Simons 2010 — M. P. Lewis, G. F. Simons. Assessing endangerment: expanding Fishman's GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique* 55, 2010. P. 103–120.
- Markus, Rozhanskiy 2013 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Correlation between social and linguistic parameters in modeling language contact: evidence from endangered Finnic varieties // *International Journal of the Sociology of Language* 221, 2013. P. 53–76.
- Mustonen (ed.) 1933 — J. Mustonen (ed.). *Inkerin suomalaiset (topografinen kartta 1:300000)*. Helsinki: б. и., 1933.
- Nevalainen, Hannes (eds.) 1991 — P. Nevalainen, S. Hannes (eds.). *Inkeri: Historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1991.
- Nirvi (ed.) 1971 — R. E. Nirvi (ed.). *Inkeröismurteiden sanakirja*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1971.
- Skutnabb-Kangas 1981 — T. Skutnabb-Kangas. *Bilingualism or Not: The Education of Minorities [Multilingual Matters 7]*. Clevedon: Multilingual Matters, 1981.